

ГАЛИНА ИЦКОВИЧ

НА ЛАДОНИ ВЕРХОВНОГО ТАМОЖЕННИКА

КОНТРАБАНДИСТЫ

через ночное шереметьево
папа вывез в кармане дедовы ордена
лед надрезал подкладку
и вывез бутылку столичной
я вывезла трёхлетку
засыпавшего под затёкшим крылом
засыпанного баулами
муравьи на ладони
мы муравьи на ладони
Верховного Таможенника
но в тот день он уже насытился.

МАКУЛАТУРА

слова это лишь слова
макулатура обменивалась на книги
тонкий намёк на толстые
многотомные обстоятельства
тонкий и толстый
отдам тонну газет за том «бесов»

бисова система
мелиха
молохова свора
«поэма без героя» напечатана на отходах
картонажной фабрики
«декамерон» продан за подписку в нагрузку
«повесть о сонечке» на маковом зернышке
иммакулат макулатуры
отдам тонну лжи за честную
чистую бумагу

МАШЬ

Иногда я становлюсь неудобным белым
белой
или
розовой неудобной мышью
недоношенной машью
незаконной дочкой слона
полевые мыши ждут меня как Мышиаха:
что-то я притащу из магазина?

мозг не в силах вместить
осознать все мои вселенные
слон не в силах вместить
ни защитит меня
он для меня загадка
какой слоновий инцест привёл меня в этот мир?
вот поймает мир в mousetrap
а после
после меня останется на тротуаре
мышь, растоптанная слонем

ХРОНИКИ БАТУМСКОГО ДЕЛЬФИНАРИЯ

Летний день, полузабытый Кавказ.
Дельфинарий – забава из детства
В самой счастливой стране.

Нет ничего странней
Дельфинов, выпрыгивающих поглазеть
На нас, на гостей.

Дети пришли приобщиться к подводным соседям.
Па-де-де по воде. Все нормальненько.
Воспитание чувств дельфинарием.
Покормим, поулююкаем, в глаза им посветим.

На трибунах расслаживаются.
Мамы-папы, чай, прочат в Нероны,
В будущие Калигулы
(Оп-ля! Всплеск. Сопли, визг)
Человечьих детенышей на каникулах.
Дети, не крошите в аквариум шпоти,
У дельфинов своё питание,
Может быть несварение.
Я не знаю, чего вы ждёте –
Дельфиньего представления?

Амфитеатр, контролер в полиэтиленовом кимоно.
«QR-код проверяем: билеты в порядке?»
До начала дельфины, с их детским умом,
Играют в подводные прятки.

Узбеки играют в нарды.
Якут запрягает нарты. Покорны народы.
Привилегия люда подводного –
Из водоема А по трубе
Направляться в Б, где
Им будет вольготнее.

Плавучие психопаты,
Дельфины, не помнящие родства.
Плечо вперёд, рассчитайсь, раз-два.
Хроники тихой палаты,
Казахские дети в эпигенезе,
амшуганты и олигофрены.
Полигоновы пасынки
Так похожи на Полифема.

Может, эти дельфины – отражения
ядерных испытаний где-нибудь в океане,
уродливые обрубки
В целом удачной системы.

Па-де-труа втрое круче, чем па-де-де.
Три дельфина как тройка безруких детей.
Птица-тройка скручивается в пике.

Трупы безруких детенышей,
Непонятых, как дельфины,
Прячут где-нибудь в Караганде.

Дрессировка. Дело за малым.
Но сорвалось на этот раз:
Дельфины в ужасе смотрят вас.
Братья и сестры, отторгайте
Чуждый, донный биоматериал.
Что не переработаем, то отошлем за моря.

По волне прыг да скок.
Где у них болевой порог?
Кнут да пряник. Хорошо, что так –
Хотя бы не ток.
Впрочем, их в море навалом,
Не заморачивайтесь малым,
Наловим других,
Нарожают ещё
Дельфиньи их матеря.

НОЧЬ. ВАРИАЦИЯ НА ТЕМУ Р. МАЛИКА

Ночь устала вслушиваться в пасторали
Извращенца, лишенца, подлеца.
Иностранная девка с цветастым паспортом,
Ночь сбегает из-под венца.

Эхом множится одиночество
И сверкает чернильными пятками.
Чёрной чеканкой ночи
Пальцы рассвета запятнаны.

Ни худая гряда, ни летучие мыши-воровки
Не припомнят, как жили здесь до войны.
Ночь будет поймана и развешена на веревке,
Как забытая шаль вдовы.

***

Вот простой пейзаж, вот пейзаж простой:
Поле боли, бывший комплекс жилой,
Где земля скудна, где улитка с невинною простотой
Проверяет, если ли здесь кто живой.
Тянет нитку слизи из живота,
Свет ей застит пуговица или нога.
Липкой губкой по шеем, щетинам, щекам.

Не страшится беременная жильём
Милосердная эта сестра:
Там и сям покажется, здесь и там.
Подлатает раны и вам, и вам.
Потерпи, сестра: будет почва жирна.
Станут почвой, и станет она жирна,
Аппетитна трава.

Зеленее кладбище за селом,
Но дорога сквозь папоротник и бурелом
Не по силам ей. Долгий, тягучий сон
Ей рисует травку и чернозём,
Где слизняк, такая же мокрая голова,
Вышивает крестиком по крестам.
Как пуста её простота!

Где пройдёт улитка, там не пройдёт никто.
Где пройдёт улитка, там остановлен день.
Лава улитки осваивает холмы,
Стрелы улиток – росписи на блюде.

«Равлик-павлик, непрочная скорлупа,
Высунь ножки...». Разве я не права?
Гастропод гастроподу не раз и не два
Эту присказку повторял.
«Не спеши, от Фудзи не уползёшь».
Смертоносных «Гюльпанов» насмешка, ложь.
Равлик бедный, лишь ты живёшь.

Вот ползёт улитка, и будет толк:
Для гурманов нагуливает жирок.
Собирать улиток в большой лоток –
Это участь тех, кто собрать не смог
Вече, не перекричал белый шум ассамблей,
От убийц не прикрыл людей.

Стой, русалка, покинувшая водоём,
Стой, стаканчик с мороженым кверху дном!
Покоряя Фудзи, сверни себя
И помедли на теле моём.

Слизь слезой на щеке, вера в мир мертва.
Пожинай пейзаж, поклоняйся полым стеблям.
Где резвей резня, там не вырастет ни фига,
Лишь четыре стежки сквозь дым и гром
Проминаются под животом.

Проползай, сестрица, лей тягучее молоко
Из Нанкина в Бучу, от Мариуполя до Гленко.
Склон вулкана достоин твоих следов,
Эскарго ты моё, эскарго.